

УДК 82.09
DOI 10.17223/18137083/70/9

А. С. Александров, Э. К. Александрова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург*

**«Поэзия имеет право быть иногда неясной...»
(А. А. Блок в рецепции А. А. Измайлова)***

Статья посвящена критической оценке произведений А. А. Блока в фельетонах и рецензиях ведущего критика своего времени, беллетриста, пародиста А. А. Измайлова и взаимоотношениям двух современников. Рассматривается эволюция общих взглядов Измайлова на творчество писателей-модернистов А. Блока, Вяч. Иванова, М. Кузмина, Д. Мережковского. Дан анализ неизвестной интерпретации стихотворения А. Блока «Девушка пела в церковном хоре...», предложенной еще при жизни поэта А. А. Измайловым и дополненной прозаиком и редактором журнала «Нива» А. А. Тихоновым-Луговым. Рассматривается статья Измайлова о творчестве Блока 1910-х гг. «Цветы новой романтики». В основу настоящей статьи легли редко цитируемые и архивные материалы.

Ключевые слова: А. Блок, А. Измайлов, критика, фельетон, переписка.

Александр Алексеевич Измайлов, включенный в состав редакции «Биржевых ведомостей» в 1898 г. по предложению И. И. Ясинского, уже к 1903 г. приобрел известность как журналист и критик, стал ведущим обозревателем новинок литературы, бессменным автором рубрики «Литературное обозрение». Его первые критические выступления были посвящены появлению новых произведений беллетристов и мэтров литературы, биографическим сведениям, театральным премьерам, бенефисам, дебютам актеров и т. д. Наиболее репрезентативные жанры, в которых выступал Измайлов на страницах периодической печати: рецензии, фельетоны, критические циклы, литературные портреты, хроника литературной

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-78-10012 «Писатель – критика – читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX вв.)».

Александров Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия; aspiros.83@mail.ru).

Александрова Эльмира Камильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия; egumerova@mail.ru).

жизни, полемическая статья с защитой собственных эстетических позиций, беседы, статьи-характеристики.

Измайлов в своих критических разборах отдавал предпочтение представителям литературы реалистического направления. Но уже в начале 1900-х гг. в его деятельности намечается еще одна линия – это статьи о «новых веяниях в литературе». Критик неоднократно декларировал свою независимость от различных школ, политических группировок и направлений, отстаивая право на субъективность оценок при анализе того или иного литературного явления. Но в своей деятельности он все же во многом ориентировался на объективный подход и вменял себе в обязанность «не растеряться, не подчиниться ни силе старины, ни выгодам последней моды, без гнева и пристрастия разобраться в явлениях и именах и напомнить основания вечной красоты» [Измайлов, 1910, с. 4]. Воспитанный на классических образцах русской литературы, Измайлов в своих взглядах на литературу основывался на позитивистском теоретическом фундаменте. Отсюда поначалу скептическое отношение к творчеству писателей-модернистов. Резкие отзывы о творчестве А. Блока, Вяч. Иванова, М. Кузмина, Д. Мережковского неоднократно выходили из-под его пера.

Первой статьей Измайлова о писателях-модернистах является его критический фельетон, посвященный выходу в 1901 г. сборника «Северные цветы». Эта статья, как, впрочем, и многие другие ранние работы о современных веяниях в литературе, исполненная непонимания, копировала злые и резкие выступления В. П. Буренина: «Почти весь заполненный декадентскими кривляньями и козлиными прыжками литературных юродивых, сборник производит тяжелое, тошнотворное впечатление, от которого всегда трудно отделаться при виде гримасничанья и кокетничанья взрослых людей, старающихся казаться не тем, что они на самом деле. Получается представление о каком-то нелепом маскараде дурного тона, о людях, балансирующих на ходулях, надевших на свои лица кровожадные маски, воющих дикими голосами дикие слова, в которых нет смысла, и скрипящих зубами в намерении кого-то запугать. Образец полного и удручающего падения искусства, какой-то безгранично разнузданной литературной хлыстовщины, стихотворного и прозаического словоблудия, характерного для нашей переходной эпохи» [Измайлов, 1901].

В таком же духе непонимания и отрицания народившегося явления в литературе написан и его фельетон «Литературные заметки», где Измайлов, по-видимому, впервые касается творчества А. А. Блока. Верный своему литературному кредо «пугала» русского декаданса, как в 1910-е беспепелляционно окрестил его карикатурист Ю. Гом-Барг¹, сотрудник «Биржевых ведомостей» оценивает в негативном ключе стихотворение молодого автора «Из газет» («Встала в сияньи. Крестила детей...»), опубликованном в «Ежемесячном журнале для всех» (1904. № 4. С. 196). Критик категорически отказывается принять метрическую композицию произведения, высмеивает нарочитые повторы, не принимает и гиперреалистичности стихотворения, написанного по мотивам новостной газетной хроники².

Потенциальная опасность остаться за бортом современного литературного процесса, уподобившись маститым, закостенелым, уходящим в отставку критикам умирающего толстого журнала, по-видимому, заставила Александра Алексеевича расширительно взглянуть на произведения лидеров символистского движения. К 1905 г. его взгляды на происходящие в литературе процессы принимают

¹ Наст. имя – Юлий Яковлевич Гомбарг-Идарский (1880–1954); см. его карикатуру на обложке журнала «Оса» (1912. № 9).

² Исследователями установлено, что мотивом стихотворения является реальный случай, широко освещавшийся в массовой периодике, см. об этом: [Блок, 1997, т. 1, с. 614–615].

все более отчетливые очертания. В статье «Литературные заметки. О новом времени и новых песнях» критик заявлял: «Через несколько лет становилось совершенно ясно, о чем пророчествовали эти странности, и то, что они были только уродливыми первыми опытами, как бывают уродливы буквы начинающего писать. И теперь, когда линии установились, за декадентством нельзя отрицать известных и несомненных заслуг» [Измайлов, 1905].

Впрочем, и в последующие годы Измайлов был неровен в оценках поэзии модернистов: положительные отклики на одни произведения нередко сменялись резкими оценками других. Не принимает Измайлов драматургических экспериментов Блока и резко отзывается о драмах «Балаганчик» и «Незнакомка»³. В то же время отзывы о поэзии современника становятся конструктивнее: эпатажные оценки сменяются попытками понять и описать «смутный и неуловимый» лирический мир приобретающего все большую популярность поэта. В мае 1907 г. он отмечает сборник «Нечаянная радость», указав, что в нем Блок «талантливый поэт, удивительно воплотивший в себе черты современной поэтически настроенной души, отдающей своим неясным, туманным, полусознанным грезам, создавшей для себя особый мирок, особую точку взгляда на мир, наивную, непосредственную, полудетскую» [Измайлов, 1907]. Подводя итоги 1907 г., Измайлов хоть и с оговоркой пишет об успехе «талантливому, но в высшей степени неровного и моментами перехватывающего за крайние грани импрессионизма А. Блока (“Нечаянная радость”, “Снежная маска”))» [Измайлов, 1908а]. А в 1908 г. откликается на выход сборника «Земля в снегу», ставя его «несравненно ниже “Нечаянной радости”» [Неблагоклонный читатель, 1908].

Одна из наиболее удачных статей критика, написанных до 1910 г. о поэзии современника, относится к началу 1908 г. Это фельетон, опубликованный первоначально в газете «Слово», «Шифрованная поэзия (новые веяния в поэзии. – Городецкий, Блок)». В этой развернутой публикации Измайлов соглашается с модернистами на их право «делиться своими неясными, смутными, неопределенными настроениями» и допускает то, что «поэзия имеет право быть иногда неясной». Критик пишет: «Идет новое время в литературе. И высшая прелесть этой новой литературы в некоторой ее недосказанности, в том, что читателю местами нужно кое о чем самому догадаться» [Там же]. Дешифраторами современной литературы, по мнению Измайлова, должны выступать современные критики, способные подобрать код для прояснения «смутного, неуловимого» смысла отдельных современных произведений. Сообразно своей концепции Измайлов интерпретирует ряд стихотворений поэта, подбирая к ним ключи, приоткрывающие блоковские смыслы. Хрестоматийное стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» критик пытается объяснить, сопоставив реалии поэтического текста с историческими событиями: «Смысл этого стихотворения нам совершенно ясен? Не совсем. Попробуйте понять его, предположив, что при нем есть примечание, приурочивающее его ко времени ухода нашего флота на войну. Богослужение... Девушка на клиросе, в хоре... Радостное настроение веры и надежды... Флот благополучен... Только там, у Царских Врат, плачет сейчас причащенный ребенок. Плачет потому, что знает тайну – из ушедших никто не вернется» [Там же]. Критик в своей интерпретации, будучи современником трагических событий Русско-японской войны, не стал связывать содержание этого стихотворения с конкретной батальей, ограничившись общим указанием на войну и трагедию, произошедшую

³ Ср.: «Так пишутся Блоками “Балаганчики”, и модернизма ради юродивые режиссеры освещают их светом рампы. Так пишутся “Незнакомки”, где какие-то “Голубые” ждут, пока в их объятия не попадет звезда с неба и не превратится в какую-то мистическую женщину с именем Мария. Так сочиняются рассказы о бесовских раденьях с подробностями, какие не сняты самой отвратительной ведьме после самого отвратительного шабаша» [Измайлов, 1908б, с. 50].

с русским флотом. Уже современные исследователи, по-видимому, ориентируясь на измайловские примечания, а также владея всем сводом биографических данных (эпистолярный, записные книжки и дневники) соотнесли содержание этого стихотворения с драматическими событиями 14–15 мая 1905 г. – гибелью 2-й русской эскадры Тихоокеанского флота в морском сражении с Императорским флотом Японии при Цусиме⁴.

Инкорпорируя часть этого фельетона в книгу «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910), Измайлов дополняет свой материал 1908 г. и делает еще одно тонкое наблюдение по отношению к последним стихам произведения: «И голос был сладок, и луч был тонок, / И только высоко, у Царских Врат, / Причастный Тайнам, – плакал ребенок / О том, что никто не придет назад» [Блок, 1997, т. 2, с. 64]. Сохраняя свой комментарий к последней строфе, о том, что в ней изображен «причастный ребенок», который «плачет потому, что знает тайну – из ушедших никто не вернется», критик делает к нему подстрочное примечание, где выдвигает предположение о том, что в последних строках зашифровано экфрастическое описание иконы Богоматери с младенцем Христом: «Может быть, “причастный тайнам”, знающий все тайны грядущего – Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, у царских врат» [Измайлов, 1910, с. 229]. Эта мысль была подсказана Измайлову его эпистолярным собеседником А. А. Тихоновым-Луговым, примечание об этом сделано в книге: «Едва ли совершу нескромность, отметив, что предложенное истолкование высказано А. А. Луговым в одной из частных со мной бесед, как и далее, – предлагая его комментарий из частных писем к пьеске Блока о Христе-младенце» [Там же, с. 228]. Письмо с комментариями к стихотворениям Блока сохранилось в архиве критика, в нем в частности сообщалось: «С большим интересом прочитал я в “Слове” Ваш фельетон “Шифрованная поэзия” <...>. Что касается Александра Блока, то я с удовольствием готов применять к нему – во всем его объеме – цитируемое Вами базедовское изречение, хотя это кощунство – применять к Блоку что бы то ни было сказанное о Канте⁵. Я, например, не берусь толковать приведенное Вами его стихотворение, но и с тем объяснением, которое даете Вы, не могу вполне согласиться. О девушке, о флоте, Вы, может быть, совершенно правы, хотя, может быть, это кто-нибудь истолкует и иначе (как я сейчас покажу Вам на втором цитируемом Вами стихотворении), – но я, например, совсем иначе понимаю слова о ребенке, причастившемся и стоящем у Царских врат. По-моему это – Христос Причастный Тайнам – знающий все тайны грядущего, Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, высоко на иконе у Царских врат, – это Христос плачет»⁶.

⁴ См. [Блок, 1997, т. 2, с. 645–646]. Ср. также: «Но мало кто, видимо, связывает это стихотворение, написанное в августе 1905 года, с событиями русско-японской войны. В самом деле, о чем поет девушка? Об ушедших в море кораблях, о людях, оставшихся на чужбине и забывших “радость свою”.<...> Блок написал стихотворение (и, кстати, написал быстро, черновик его в записной книжке не дает существенных разночтений) через одиннадцать месяцев после того, как из Любавы вышла русская эскадра для следования к берегам Японии, и через три месяца после Цусимского сражения» [Долгополов, 1964, с. 56].

⁵ Фельетон Измайлова написан в форме диалога критика с дилетантом-приятелем, с реплики последнего начинается разговор, и знакомый спрашивает критика: «Помните анекдот про педагога Базедова? Он брался осилить какой угодно новый предмет в две недели. Ему дали “Критику чистаго разума” – Канта. Он попробовал читать и швырнул книгу в угол, сказав: “Qui nou vult intellegi, non debet legi” (Кто не хочет быть понятым, того и читать не стоит)» [Неблагосклонный читатель, 1908, с. 2].

⁶ Письмо А. А. Тихонова-Лугового А. А. Измайлову от 27 февраля 1908 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 4 – 5 об.

Примечательно, что Измайлов не выносит интерпретацию Лугового в основной текст книги, оставляя его лишь подстрочным примечанием. По-видимому, придерживаясь мнения о том, что в последней строфе речь идет о реальной сцене причастия, Измайлов не совсем соглашался с Луговым, хотя и отдает должное его оригинальной трактовке. В иконографической традиции не принято изображать Богородицу с плачущим младенцем. Как отмечает М. Плюханова, «Богородица, вместившая свет и сама, и в ее чудотворной иконе, несущая Младенца, понимается как изливающий свет источник, эманация света, энергия сияния и изливания благодати и мудрости, кипения неистощаемых светлостей» [Плюханова, 2016, с. 3–4]. Измайлов, хорошо знакомый с иконографией, по-видимому, с трудом усматривал в блоковских строках изображение иконы – отчасти поэтому эта интерпретация не получила в работе критика аналитического развития. В то же время, представляя в своей книге две точки зрения на финал стихотворения, он довольно точно уловил движение авторской мысли – от изображения в финале реальной ситуации – евхаристии, до сакрализации и описания в последних строках Богоматери с младенцем. Черновой автограф этого стихотворения, сохранившийся в Записной книжке (№ 11) указывает нам, что первоначально поэтом задумывалось прямое изображение в финале реальной действительности – Таинства причастия, а вместо младенца в последних строках изображался священник. Первый вариант: «Приняв причастье у царских врат / Священник плакал у пурпурных складок»; второй вариант: «Но причащенный у царских врат / Священник плакал у пурпурных складок» [Блок, 1997, т. 2, с. 322]. В ходе работы над финалом поэт усложняет конкретную ситуацию, насыщает последние строки символическим смыслом. Вместо священника в варианте 15 стиха появляется младенец: «Плакал ребенок у пурпурных складок». А прямое указание на евхаристию заменяется символическим «Причастный Тайнам». Появившийся в окончательном тексте принятый поэтом вариант 14 стиха с описанием места описываемой ситуации – «И только высоко, у Царских Врат» – с большой долей вероятности позволяет предположить в финальных строках описание иконы. Оригинальная трактовка блоковских строк, предложенная Луговым и зафиксированная в книге Измайлова, нашла отражение в работах современных исследователей ⁷.

Также с военными событиями связывает Измайлов стихотворение «В лапах косматых и страшных...», отмечая: «С примечанием вам опять все понятно. Детская... Маленькие кроватки. Догорает весенний день... Точно какой-то колдун укачал весну в своих косматых и страшных лапах... Мать крестит улегшихся детей. Но никому она не смотрит в глаза. Ей страшно, что эти доверчивые детские глазки просто и наивно спросят, где их отец. Он, очевидно, ушел туда же, далеко, на войну, и, кто знает, жив ли еще? Дети лепечут о вчерашнем сне, – каком-то корабле, матросике, золотой птице. Больше самой себе, чем детям, мать говорит им, что вчерашний сон не приснится. Одно и то же снится ей, день и ночь думающей о муже и море...» [Неблагоклонный читатель, 1908, с. 3].

В последнем разбираемом в фельетоне стихотворении «Моей матери» («Тихо. И будет всё тише...») Измайлов не усмотрел общественного звучания, увидев в нем «интимное, задушевное, дорогое»: «И вот попробуйте представить себе старый маленький домик, где, может быть, родился поэт. Тихая улица... Круглое маленькое окно на чердаке... В нем, действительно, как в нимбе маленькая детская головка... Жестяной петушок – флюгарка, действительно опрокинут в синюю глубь небес. Оловянным он, очевидно, назван ради рифмы. Он вертится и поет. Смутное, дремотное воспоминание... Может быть, самое первое сознательное воспоминание, полное невозвратной прелести, связанное с понятием ма-

⁷ Ср.: «Стихотворение трагично. Но понимание существа трагедии, ее “тайного” смысла вложено в уста “ребенка” (Иисуса Христа)» [Долгополов, 1964, с. 56].

тери и матери посвященное. И эта самая смутность, полудремотность, выхваченность впечатления из всех сопутствующих бытовых деталей – именно хорошо передана в этой лапидарной чуть-чуть сумбурной форме» [Неблагоклонный читатель, 1908, с. 3].

Отмеченные стихотворения также стали объектом обсуждения критика с А. А. Тихоновым-Луговым. Своим развернутым эпистолярным комментарием он уточняет некоторые интерпретации Измайлова; к стихотворению «В лапах косматых и страшных...» предлагает собственное пояснение, а в стихотворении «Моей матери» («Тихо. И будет всё тише...») видит не «смутное, дремотное воспоминание...», а считает это произведение пронизанным «революционным» подтекстом: «Следующее стихотворение: “В лапах косматых и страшных Колдун укачал весну”, – я объясняю, как реакцию, задушившую весну освободительного движения; дети – учащая молодежь, теперь затихшая; мама – родина; сны – ожидание новой “весны”; “ты сегодня другое увидишь во сне” – молодежь временно отдается другим мечтам, ей, этому поколению, никогда уже не вернуться к вчерашнему дню, и только матери-родине снится все одно и то же: грядущая, хотя бы и далекая, свобода.

Таким же “революционным” настроением объясняю я и стихотворение “Тихо. И будет все тише. Флаг бесполезный спущен и т. д.” А оловянный петушок это – поэт, в своих колеблющихся по настроениям стихах указывающий направление политической погоды. – Возможность таких толкований указывает только на точность Вашего содержания»⁸.

Эти интерпретации современника не были учтены Измайловым в разборах, возможно, тот политический подтекст, увиденный в блоковских строках его эпистолярным собеседником, не представлялось возможным обнародовать в печати.

Другая обстоятельная статья о творчестве Блока «Цветы новой романтики» помещена Измайловым в его книге о писателях-современниках – «Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья». Том собран из заметок и фельетонов 1905–1910-х гг. Неровности в оценках творчества Блока в этой статье сглажены во многом потому, что она писалась в период популярности Блока. Высоко оценивает здесь Измайлов сборник «Стихи о Прекрасной Даме», считая его определяющим в творчестве поэта: «Это было явное обращение к давно улегшимся в нашей поэзии настроениям, возрождение чистой былой романтики в несколько новом и своеобразном наклоне. Большая часть стихов этой книги была выражением какого-то нежного, интимного влечения поэта к какому-то женскому образу – не к одному определенному <...>, а к какому-то почти отвлеченному обобщению женщины, того вечного женственного начала, которому Гёте первый подыскал имя» [Измайлов, 1913, с. 59]. Характерной чертой измайловских фельетонов о модернистах является то, что критик творчество того или иного писателя включает в определенную литературную традицию, опираясь в этом на высказывания самих поэтов о своем творчестве и на собственное художественное чутье. Так, о творчестве А. Блока он пишет: «Через век реализма, через крайности материализма 60-х годов, через практицизм и холод 90-х – как-то таинственно прорвалась, пробилась, просочилась романтика времени Жуковского⁹ и воплотилась в человеке, считающем 1880 год – годом своего рождения» [Там же, с. 58–59].

Подобный метатекстуальный подход, попытки найти диалогические связи новой поэзии с предшествующей литературной традицией, попытки вписать того или иного автора в близкую и знакомую литературную эпоху обусловлены, с од-

⁸ Письмо А. А. Тихонова-Лугового А. А. Измайлову от 27 февраля 1908 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 4 – 5 об.

⁹ См. [Первые литературные шаги..., 1911, с. 86–87].

ной стороны, желанием понять поэзию «тайн, неведомого, несознанного», а с другой – помочь публике подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции, эстетические принципы нового художественного направления. Так, например, связав поэзию А. Блока с творчеством Полонского, Измайлов открывает дополнительные смыслы в поэзии автора сборника «Стихи о Прекрасной Даме»: «В Блоке многое от Полонского. Его желание подметить смутность человеческих грез, его наивность, почти порою детскость. Как Полонский не боялся страшно обыденных слов, которых с ужасом бежал бы наш классик 30–40-х гг. <...> так Блок смело замыкает их в свой стих. Он играет на определенной прелести вторжения в его поэтические сны будничного, обыкновенного, серенького, придающего им такой колорит жизненной уютности и правды» [Измайлов, 1910, с. 220].

Работая в массовых периодических изданиях, ориентируясь на широкие читательский круги, Измайлов в своей критической деятельности широко использовал методы и приемы, характерные для представителей газетной фельетонистики, – вплетение пародий в обзорные статьи, ориентация на сенсационность и скандал, эпатажирующие заглавия и темы. Пародии литератора в начале XX в. имели большой успех. Вышедшие отдельной книгой, они приобрели широкое хождение в читательской среде и пользовались популярностью даже у спародированных авторов. В сборник «Кривое зеркало» вошло и несколько поэтических шаржей на Блока, которые, впрочем, были не самыми удачными.

Еще одним эпатажным поступком критика, органично вписывающимся в методы и стили работы представителей газетной фельетонистики, стала публикация в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» за 12 февраля 1909 г. «письма в редакцию» (под заглавием «100 рублей за объяснение»): «Прочитывая стихи большинства современных русских поэтов, я часто не могу уловить в них здравого смысла, и они производят на меня впечатление бреда больного человека <...> Я обращался за разъяснением этих стихов-загадок ко многим литераторам и простым смертным людям, но никто не мог мне объяснить их, и я готов был прийти к заключению, что эти непонятные стихи действительно лишены всякого смысла и являются плодами больного рассудка <...> Этим письмом я предлагаю всякому, – в том числе автору, – *уплатить 100 рублей за перевод на общепонятный язык* стихов Александра Блока “Ты так светла...”».

Письмо подписано профессором медицины П. И. Дьяконовым, однако отдельные факты позволяют предположить, что под маской профессора скрывался Измайлов, не чуждый мистификаций, эпатажа и скандала¹⁰.

В период наиболее пристального внимания критика к творчеству Блока, в 1907–1909 гг., когда появлялись существенные печатные отклики Измайлова о поэзии автора «Незнакомки», между современниками завязывается эпистолярный диалог. Письма Блока (эпистолярные обращения Измайлова не сохранились) носят преимущественно деловой характер.

Их переписка завязалась осенью 1909 г., когда Измайлов руководил подготовкой собрания сочинений Кнута Гамсуна для издательства А. Ф. Маркса. Подбирая коллектив переводчиков для проекта, Александр Алексеевич приглашает к участию в издании и Блока. В письме к критику в октябре 1909 г. поэт высказал согласие и переводческие предпочтения. О предстоящей работе над прозой Гамсуна Блок извещал свою мать, которой в письме от 4 ноября 1909 г. пояснял: «При “Ниве” прилагается полное собр<ание> соч<инений>. Я переведу неск<олько> мелких рассказов (с немецкого) и получу 50 р. за лист» [Письма Александра Блока к родным, 1927, т. 1, с. 280].

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Александров, Александрова, 2015; 2013].

Однако тяжелые семейные обстоятельства не позволили ему приступить к намеченным переводам: в ноябре 1909 г. он вынужден был спешно выехать из Петербурга в Варшаву к умиравшему отцу. Впрочем, поэт не подвел издателя и перепоручил материалы Любови Дмитриевне. К 10 января 1910 г. переводы рассказов были выполнены, хотя тексты еще не «отбелены и не переписаны» [Письма А. А. Блока..., 2017, с. 609]. Очевидно, что Блок провел некоторую редакторскую работу, причем, судить, о характере его правки не представляется возможным, так как рукописи переводов не сохранились. Готовые тексты были отправлены через 20 дней, 30 января. Рассказы «Рабы любви», «Победитель», «Отец и сын», «Голос жизни» появились в четвертом томе собрания сочинений Гамсуна с указанием на перевод поэта¹¹.

После интенсивных контактов 1909–1910 гг. связь корреспондентов не оборвалась, а продолжалась вплоть до марта 1916 г. По корреспонденциям Блока прослеживаются обращения критика к поэту: о предоставлении стихотворений для «Биржевых ведомостей», одно из писем содержит просьбу о присылке портрета и автографа для сборника «Пестрые знамена». Блок также обращался к Измайлову с рядом просьб, в том числе в сентябре 1915 г. просил об отзыве на «Собрание стихотворений Аполлона Григорьева» (М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1916) и на том переписки Г. Флобера с племянницей Каролиной Комманвиль. Отзыв критика на «Стихотворения Аполлона Григорьева» (издание вышло в начале 1916 г.) скорее всего не был написан из-за ухода Измайлова из «Биржевых ведомостей» и поступления в «Петроградский листок» на должность редактора. Отзыв на переписку Флобера был опубликован в традиционном фельетоне «Темы и парадоксы», в нем, в частности, отмечалось: «“Шиповник” издал переписку Флобера, – огромный том интимных бесед с племянницей. Переписку эту нужно было иметь русскому читателю, чтобы сделать некоторые небезытересные заключения о писательстве у нас и на западе <...> Переписка Флобера, – типичные письма литератора, живущего в благословенной стране, где века культуры совершенно отвоевали ему прекрасное право свободы писательской личности, свободы того взгляда на вещи, какой нравится, приписки к тому приходу, к какому больше лежит сердце» [Измайлов, 1915].

С переходом в апреле 1916 г. в «Петроградский листок» Измайлов сосредотачивается на редакторской работе и практически не откликается на события текущей литературной жизни. Переписка с Блоком, как и со многими другими ведущими литераторами начала XX в., обрывается. Руководя литературно-критическим отделом «Биржевых ведомостей», Измайлов выступал фактически в роли литературного агента для многих авторов, поддерживавших связь с изданием через его посредничество. Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, В. В. Розанов, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, Ф. Сологуб охотно откликались на просьбы критика о публикации своих произведений, об участии в анкетах и праздничных выпусках и пр. Перейдя в «бульварный» «Петроградский листок», Измайлов смог со многими прозаиками и поэтами сохранить дружеские отношения, но деловые отношения и связи фактически были разорваны из-за сомнительной репутации газеты, сотрудничества с которой при широких возможностях печатного рынка известные писатели и поэты старались избегать. Правда, положение «Петроградского листка» изменилось в 1917–1918 гг. после Октябрьской революции в период подавления свободной печати. Это издание в пореволюционное время становится одним из немногих печатных органов, предоставлявших для публикации газет-

¹¹ Отметим, что такие прецеденты случались в творческой практике А. Блока: в 1907 г. в «Северном сборнике» (изд. «Шиповник») подписанный им перевод рассказа Йенса Петера Якобсена «Пусть розы здесь живут» на самом деле был выполнен матерью поэта А. А. Кублицкой-Пиоттух.

ные полосы бедствующим и оставшимся без заработка журналистам и литераторам.

В 1918 г. в «Петроградском листке» появляется последний отзыв Измайлова о Блоке – отклик на поэму «Двенадцать», появление в печати которой взбудоражило всех современников. В своем отклике критик отмечает необычное композиционное построение, особый язык произведения, вплетение в ткань новых реалий – лозунгов, но при всей уникальности нового произведения оно, по его мнению, написано в русле ранних произведений Блока: «Двенадцать странных стихов в новом журнале левых эс-эров “Наш путь”. Может быть, необычно у Блока найти, у первого, включенные в стих лозунги “Вся власть Учред<ительному> Собранию”, читать про двенадцать парней, что пошли “в красной гвардии служить” – необычно для поэта, жившего доселе в очарованном мире милых гномиков, заповеданных лилий, влюбленных пчел, церковных свеч, маленьких девочек в голубом платье, и элегических иноков. Так же необычно, как необычно было вообще увидеть А. Блока так, – на крайнем левом крыле. <...> Все остальное в “Двенадцати” – по прямой линии от Блока. Та же, знакомая неопределенность контуров, – поэтическая метель, в которой вихрем кружатся образы, факты, обрывки слов <...>, где не очень ясно, пока не прочтешь все до конца, ни место действия, ни то, откуда взялся герой и что такое произошло между второй и третьей главкой. И столь же характерное веяние над фактом, над оболочкой какой-то иной, как бы “инога измерения”» [Измайлов, 1918].

В своем отклике Измайлов также полемизирует со статьей Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» [1918], категорически не соглашается с ним в интерпретации поэмы. Не принимает критик сопоставление двенадцати красногвардейцев с двенадцатью апостолами, не соглашается с трактовкой финала Ивановым-Разумником, согласно которой Христос, появляющийся в последних строках поэмы, возглавляет шествие «двенадцати убийц» [Александр Блок: Pro et contra..., 2004, с. 262], отказывается видеть апологетическое изображение революционной действительности в строках Блока. В своей статье Измайлов пишет: «Что же, – славу поет Блок этой новой Руси? Не там ли эта слава, где он рисует Ваську, летящего с “Каткой-дурой” на лихачах, “с електрическим фонариком”, “в шинелишке солдатской, с физиономией дурацкой”? Не там ли, где этот Васка прострелил буйную ее голову? Чтобы принять это письмо за иконное, надо быть г. Ивановым-Разумником или Дон-Кихотом, решительно так же принявшим двенадцать каторжан за невинных страдальцев. И не там эта слава, где Блок дважды и трижды оттеняет, что его двенадцать идут “без креста” и “без имени святого”. Если и мерещится ему Христос впереди этой горсти в надвьюжном облаке, так, конечно, не как водитель их, а как Тот Единый Всепрощающий и Благостный, Который не бежал и от мытаря и блудницы, и этих темных, страшных и кровавых не убоится» [Измайлов, 1918]. Вольная трактовка Иванова-Разумника, укоренившаяся в пореволюционные годы в отечественном литературоведении, в последнее время решительно пересматривается. Между тем еще при жизни Блока многие литературные критики, философы отказывались видеть в двенадцати красногвардейцах двенадцать апостолов, а в самой поэме – апологетику изображенной действительности¹². И в этом отношении мнение Измайлова о произведении Блока точнее и ближе к авторскому замыслу.

Проницательный критик произведений реалистического направления, по отношению к творчеству модернистов Измайлов, прежде всего, известен как талантливый пародист, резко отрицательно воспринявший первые опыты нарождающегося течения. Со временем взгляды приверженца реализма на литературу

¹² Подробнее о рецепции современниками Блока поэмы «Двенадцать», см.: [Иванова, 2012, с. 140–167].

ную продукцию модернистов претерпевают определенную эволюцию. Особенно ярко это прослеживается на отношении Измайлова к творчеству Блока, Бальмонта [Александров, Александрова, 2018], Брюсова¹³, отчасти Вяч. Иванова [Александров, 2009, с. 417–429], имена которых часто соседствуют на страницах его рецензий. Прогрессивный настрой 1907 г. позволил критику открыть для себя красоты символизма, не впадая, однако в слепое почитание нового направления: «Приверженец реализма, поклонник творчества Л. Толстого и А. П. Чехова, он, проповедуя принципы “объективной”, нетенденциозной критики, смог создать яркие характеристики представителей “нового искусства”, перейдя от скептических оценок к признанию достижения “психологически-символистской школы”» [Александр Блок: Pro et contra..., 2004, с. 637]. В этот период статьи Измайлова о «новых веяниях в литературе» выстраиваются в определенную систему: на примере творчества модернистов им выделены три направления, определенные в терминах «импрессионистическая лирика» (А. Блок, В. Брюсов, К. Бальмонт); «неоархаизм» (А. Ремизов, С. Ауслендер, В. Брюсов); «неонатурализм» (Л. Зиновьева-Аннибал, М. Кузмин, В. Муйжель, Н. Сергеев-Ценский) – см. подробнее [Александров, 2009, с. 421]. Приведенный выше обзор критических отзывов Измайлова о поэзии Блока позволяет существенно скорректировать распространенное мнение о критике как о непримиримом противнике модернистского направления в литературе.

Список литературы

А. А. Измайлов: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; преамбулы, подгот. текста и коммент. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 728 с.

Александр Блок: Pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / Сост. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2004. 535 с.

Александров А. С. Вячеслав Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования / Под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского, А. Б. Шишкина. СПб., 2009. Вып. 1. С. 417–429.

Александров А. С., Александрова Э. К. «...Доставить <...> минуту доброго настроения в реванш прежних огорчений»: А. А. Измайлов и В. Я. Брюсов: По архивным материалам // Брюсовские чтения 2016 года: Сб. ст. / ЕГУЯС; под ред. Г. Р. Гаспарян и др. Ереван, 2017. С. 136–149.

Александров А. С., Александрова Э. К. К. Д. Бальмонт и А. А. Измайлов: Из истории взаимоотношений // Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Константин Бальмонт (1867–1942) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М., 2018. С. 412–227.

Александров А. С., Александрова Э. К. Маска профессора: К истории одной мистификации // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2013. № 3. С. 57–61.

Александров А. С., Александрова Э. К. Позитивисты vs Символисты: К истории восприятия одного блоковского стихотворения // Филологические науки. 2015. № 5. С. 33–41.

Александрова Э. К. К истории взаимоотношений А. А. Измайлова и В. Я. Брюсова: По материалам переписки 1909–1917 гг. // REOSIANAG: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies / Chungbuk National University. 2017. № 2. P. 203–228.

¹³ Блестящее знание литературы, искреннее стремление понять автора и нередко столь же глубокое непонимание, отстаивание своих собственных эстетических взглядов, которые не были вписаны в какие-то литературные группировки – именно так говорили об Измайлове современники. Эти качества вызывали уважение даже у раскритикованных им писателей. Резкие высказывания о «новых поэтах» не мешали ему состоять с «объектами» критики в дружеских отношениях, как это было, например, с Леонидом Андреевым или Брюсовым. Подробнее об этом см.: [А. А. Измайлов..., 2017, с. 37–131; 132–233; Александров, Александрова, 2017].

- Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997.
- Долгополов Л. К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века. М.; Л., 1964. 189 с.
- Иванов-Разумник Р. В.* Испытание в грозе и буре // Наш путь: Литературно-политический журнал Революционного Социализма. 1918. № 1 (апрель). С. 131–158.
- Иванова Е. В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб., 2012. 608 с.
- Измайлов А. А.* «Двенадцать» // Петроградский голос. 1918. 5 июля (№ 122). С. 2.
- Измайлов А. А.* Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 26 мая. (№ 140). С. 2.
- Измайлов А.* Литературные беседы [Последние моды в литературе. – Спор старого и нового. – Реальная проза и полудремотные настроения. – «Нечаянная радость» А. Блока. – Неоархаизм, Державин, Вяч. Иванов и Вильгельм Кюхельбекер] // Русское слово. 1907. 15 мая (№ 110). С. 2.
- Измайлов А.* Литература за 1907 год // Слово. 1908а. 1 янв. (№ 343). С. 4.
- Измайлов А. А.* Литературные заметки. О новом времени и новых песнях // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1905. 8 апр. (№ 8764). С. 2.
- Измайлов А. А.* На переломе (Литературные размышления) // Библиотека «Театра и искусства». 1908б. № 1. С. 32–71.
- Измайлов А. А.* Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. 231 с.
- Измайлов А. А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. 251 с.
- Измайлов А. А.* Темы и парадоксы: О писателе русском и иностранном. – Переписка Флобера. – Были ли дружны Пушкин и Гоголь? // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 9 нояб. (№ 15199). С. 2.
- Неблагоклонный читатель* [Измайлов А. А.]. Шифрованная поэзия (новые веяния в поэзии. – Городецкий, Блок) // Слово. 1908. 22 февр. (№ 387). С. 2–3.
- Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. 267 с.
- Письма А. А. Блока (1909–1916) к А. А. Измайлову / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой // А. А. Измайлов: Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2017. С. 598–616.
- Письма Александра Блока к родным: В 2 т. / Предисл., примеч. М. А. Бекетовой. М.; Л., 1927. Т. 1. 370 с.
- Плюханова М. Б.* «Кипѣние свѣта»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016. 628 с.

A. S. Alexandrov¹, E. K. Alexandrova²

*Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*
¹ *aspiros.83@mail.ru*, ² *egumerova@mail.ru*

**“Poetry can be sometimes ambiguous ...”
(A. A. Blok in the reception of A. A. Izmailov)**

This paper is devoted to the critical evaluation of the works of Alexander Blok in the satires and reviews of the leading critic of his time, novelist, parodist A. Izmailov. The work deals with the relationship of two contemporaries and clarifies the aesthetic position of Izmailov. His skepti-

cal attitude toward the work of modernist writers is studied. His response to the work of the Blok “Iz gazet” (“Vstala v siyan’i. Krestila detey...”), published in the “Yezhemesyachnyy zhurnal dlya vsekh” (1904, no. 4, p. 196) is considered to be the example of such an attitude to the works of representatives of the “new art.” Izmailov’s reaction involves a categorical rejection of the metric composition of the work, deliberate repetition, the negation of the hyperrealism of the poem. Consideration is given to the evolution of Izmailov’s general views on the work of modern writers A. Blok, Vyach. Ivanov, M. Kuzmin, D. Merezhkovsky. The critical responses of Izmailov to Blok’s works are studied. The analysis is made of the unknown interpretation of Blok’s poem “Devushka pela v tserkovnom khore...”, proposed during the life of the poet by Izmailov and supplemented by the prose writer and editor of the magazine “Niva” Tikhonov-Lugov. Also, the article “Tsvety novoy romantiki” about the creativity of Blok in the 1910s, placed by of Izmailov in his book about modern writers “Pestryye znamena: Literaturnyye portrety bezvremen’ya” is considered. The work analyzes the correspondence of two contemporaries. The Blok’s correspondence can help trace the critic’s appeals to the poet. In 1918, Izmailov’s last comment on Blok was published in the “Petrogradskiy listok.” This response to the poem “Dvenadtsat’” is analyzed in the context of time and connection with other responses to Blok’s famous work. This paper is based on the rarely quoted and archival materials.

Keywords: Blok, Izmailov, correspondence, “Birzhevye vedomosti”.

DOI 10.17223/18137083/70/9

References

- A. A. Izmailov: *Perepiska s sovremennikami* [A. A. Izmailov: Correspondence with contemporaries]. A. S. Aleksandrov (Comp., intr. art.); A. S. Aleksandrov, E. K. Alexandrova, N. Yu. Gryakalova (Intr. art., prep. of the text, comm.). St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 728 p.
- Aleksandr Blok: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov* [Personality and creativity of Alexander Blok in the criticism and memoirs of contemporaries]. N. Yu. Gryakalova (Comp.). St. Petersburg, 2004, 535 p.
- Aleksandrova E. K., Aleksandrov A. S. “...Dostavit' minutu dobrogo nastroeniya v revansh prezhnikh ogorcheniy” (A. A. Izmailov i V. Y. Bryusov: Po arkhivnym materialam) [“...Deliver a moment of good humor to the revenge of former sorrows” (A. Izmailov and V. Brusov. On the basis of archival materials)]. In: *Bryusovskie chteniya 2016 g.: Sb. st.* [Bryusov readings 2016: Coll. of art.]. G. R. Gasparyan et al. (Eds.). Erevan, 2017, pp. 136–149.
- Aleksandrov A. S., Aleksandrova E. K. K. D. Bal'mont i A. A. Izmailov: Iz istorii vzaimootnosheniy [K. D. Balmont and A. A. Izmailov: From the history of interrelations]. In: *Russkie poety 20 veka: Materialy i issledovaniya. Konstantin Bal'mont (1867–1942)* [Russian poets of the 20th century: Materials and research. Konstantin Balmont (1867–1942)]. G. V. Petrova (Ed. in Ch.). Moscow, 2018, pp. 412–227.
- Aleksandrov A. S., Aleksandrova E. K. Maska professora: K istorii odnoy mistifikatsii [Mask of the professor: (To the history of a mystification)]. *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art criticism. Philological sciences.* 2013, no. 3, pp. 57–61.
- Aleksandrov A. S., Aleksandrova E. K. Pozitivisty vs. Simvolisty: (K istorii vospriyatiya odnogo blokovskogo stikhotvoreniya) [Positivists vs. Symbolists: (On the history of perception of a single Blok poem)]. *Philological Sciences.* 2015, no. 5, pp. 33–41.
- Aleksandrova E. K. K istorii vzaimootnosheniy A. A. Izmailova i V. Y. Bryusova (Po materialam perepiski 1909–1917 gg.) [To the history of the relationship of A. Izmailov and V. Brjusov (Based on materials of their correspondence 1909–1917)]. *REOSIAHAG. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies. Chungbuk National University.* 2017, no. 2, pp. 203–228.
- Aleksandrov A. S. Vyacheslav Ivanov v kriticheskoy otsenke A. A. Izmailova [Vyacheslav Ivanov in the critical evaluation of A. A. Izmailov]. In: *Vyacheslav Ivanov: Materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov: Materials and research]. K. Yu. Lappo-Danilevskiy, A. B. Shishkin (Eds.). St. Petersburg, 2009, iss. 1, pp. 417–429.
- Blok A. A. *Poln. Sobr. soch. i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: In 20 vols]. Moscow, 1997.
- Dolgoplov L. K. *Poemy Bloka i russkaya poema kontsa 19 – nachala 20 vekov* [Poems of Blok and Russian poem of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Moscow, Leningrad, 1964, 189 p.

- Ivanova E. V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: The last years of life]. St. Petersburg, 2012, 608 p.
- Ivanov-Razumnik R. V. Ispytanie v groze i bure [Test in the Thunderstorm and the Storm]. *Nash put': Literaturno-politicheskii zhurnal Revolyutsionnogo Sotsializma*. 1918, no. 1 (April), pp. 131–158.
- Izmaylov A. A. “Dvenadtsat” [“The Twelve”]. *Petrogradskiy golos*. 1918, July 5, (no. 122), p. 2.
- Izmaylov A. Literaturnye besedy: (Poslednie mody v literature. Spor starogo i novogo. Real'naya proza i poludremotnye nastroeniya. “Nechayannaya radost'” A. Bloka. Neoarkhaizm, Derzhavin, Vyach. Ivanov i Vil'gel'm Kyukhel'beker) [Literary talks: (Recent fashion in literature. Controversy old and new. Real prose and half-demented mood. “Unexpected Joy” by A. Blok. Neoarchaism, Derzhavin, Vyach. Ivanov and Wilhelm Kuchelbecker)]. *Russkoe slovo*. 1907, 15 May (no. 110), p. 2.
- Izmaylov A. Literatura za 1907 god [Literature for 1907]. *Slovo*. 1908, 1 Jan. (no. 343), p. 4.
- Izmaylov A. A. Literaturnye zametki [Literary notes]. *Birzhevye vedomosti*. 1901, 26 May (no. 140), p. 2.
- Izmaylov A. A. Literaturnye zametki: O novom vremeni i novykh pesnyakh [Literary notes: On the new time and new songs]. *Birzhevye vedomosti. Morning iss.* 1905, 8 Apr. (no. 8764), p. 2.
- Izmaylov A. A. Na perelome (Literaturnye razmyshleniya) [At the turn (Literary reflections)]. *Biblioteka “Teatra i iskusstva”*. 1908, no. 1, pp. 32–71.
- Izmaylov A. A. *Pestrye znamena: (Literaturnye portrety bezvremen'ya)* [Colorful banners: (Literary portraits of timelessness)]. Moscow, 1913, 231 p.
- Izmaylov A. A. *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry: Kniga o novykh veyaniyakh v literature* [A defilement of the gods and new idols: A book about new trends in literature]. Moscow, 1910, 251 p.
- Izmaylov A. A. Temy i paradoksy: O pisatele russkom i inozemnom. Peregovory Flobera. Byli li druzhny Pushkin i Gogol'? [Themes and paradoxes: About the writer of Russian and foreign. Flaubert's correspondence. Were Pushkin and Gogol friends?]. *Birzhevye vedomosti. Morning iss.* 1915, 9 Nov. (no. 15199), p. 2.
- Neblagosklonnyy chitatel' (Izmaylov A. A.). Shifrovannaya poeziya (novye veyaniya v poezii. – Gorodetskiy, Blok) [Ungrateful reader (Izmailov A. A.). Encrypted poetry (New trends in poetry – Gorodetsky, Blok)]. *Slovo*. 1908, 22 February, (no. 387), pp. 2–3.
- Pervye literaturnye shagi: Avtobiografii sovremennykh russkikh pisateley* [The first literary steps: Autobiographies of contemporary Russian writers]. F. F. Fiedler (Comp.). Moscow, 1911, 267 p.
- Pis'ma A. A. Bloka (1909–1916) k A. A. Izmaylovu [Letters from A. A. Blok (1909–1916) to A. A. Izmailov]. E. K. Aleksandrova, A. S. Aleksandrov (Comp., intr. art., comm.). In: *A. A. Izmaylov: Perepiska s sovremennikami* [A. A. Izmailov: Correspondence with contemporaries]. A. S. Aleksandrov (Comp., intr. art.); A. S. Aleksandrov, E. K. Alexandrova, N. Yu. Gryakalova (Intr. art., prep. of the text, comm.). St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2017, pp. 598–616.
- Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym: V 2 t.* [Letters from Alexander Blok to his relatives: In 2 vols]. M. A. Beketova (Pref., comm.). Moscow; Leningrad, 1927, vol. 1, 370 p.
- Plyukhanova M. B. “Kipenie sveta”: *Russkie Odigitrii v liturgicheskoy poezii i v istorii* [“Kipenie sveta”: Russian Odigitrii in liturgical poetry and in history]. St. Petersburg, 2016, 628 p.